

УДК 930.9

ОТНОШЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ К КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВО 2-Й ПОЛ. XIX В.**Г. Ю. ЛАЗНОВСКАЯ***Волгоградский
государственный
педагогический
университет**e-mail: laznovskay@mail.ru*

В статье на основании мемуаров и писем русских путешественников рассмотрено понятие «французская светскость», показано отношение различных слоев французского общества к католической церкви и ее представителям. Также представлена картина борьбы между клерикалами и антиклерикалами в контексте проведения школьной реформы во второй половине XIX в. Представленный материал будет полезен для историков, культурологов, социологов.

Ключевые слова: секуляризация, «французская светскость», клерикализм, антиклерикализм, конгрегация.

Для изучения взаимоотношений между церковью, с одной стороны и обществом и государством во Франции – с другой, подходит термин «секуляризация», или «уход от религии», который предложил французский ученый М. Гоше¹. Понятие «секуляризация» является естественным для XVIII-XIX вв. – это время, когда происходил последовательный переход от сакрализованного мира старой французской монархии к четкому разделению обязанностей между религией и государством. Понятие секуляризации подразумевает изъятие из компетенции церкви того, что не должно в нее входить по определению². Процесс секуляризации представляет собой, таким образом, длинный путь, финалом которого является «смерть Бога». «Если секуляризация, – пишет Г.Б. Гутнер, – начинается с отчуждения от церкви того, что ей заведомо чуждо, то кончается она обескураживающим открытием: в человеческой жизни нет вообще ничего, что по праву принадлежит церкви. Это значит, что и Богу также ничего не принадлежит. Все, что приписывалось ему, нашло иного – настоящего – владельца. Да и сам Бог, в конечном счете, оказался иллюзией»³.

Секулярный взрыв в революционной Франции 1789 г. повлек за собой раскол национального сознания, постепенное укрепление светского образа жизни, а завершением его стало отсутствие какого-либо упоминания о религии при переписи населения в 1872 г. Религия, по выражению Э. Ренана, превратилась в «дело вкуса» каждого⁴. Однако процесс упадка религиозного сознания начался не в 1789 г., он имеет более глубокие корни. Как считает Б. Андерсон, власть папского престола рассеивается тогда, когда зарождается национальная интеллигенция во Франции и исчезает трансевропейский ученый мир, пишущий на латыни⁵. Это произошло по двум причинам: во-первых, освоение неевропейского мира послужило мощным толчком к резкому расширению культурного и географического горизонта, а тем самым и представлений о различных возможных укладах человеческой жизни. Во-вторых, статус латинского языка, который считался священным, постепенно утратил свое значение. Если Р. Декарт (1596-1650) и Б. Паскаль (1623-1662) вели большую часть переписки на латыни, то Вольтер (1694-1778) уже на французском языке⁶. Следовательно, сакральное сообщество постепенно «фрагментировалось, плюрализировалось и территориализировалось»⁷.

¹ Брольо Ф.М., Мирабели Ч., Онида Ч. Религии и юридические системы. Введение в сравнительное церковное право / Пер. с ит. (Серия «История церкви»). М., 2008. С. 132.

² См.: Гутнер Г.Б. Секулярность, постсекулярность и универсализм. Замечания к диалогу Хабермаса и Ратцингера // Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). М., 2006. С. 13.

³ Гутнер Г.Б. Там же. С. 15.

⁴ Брольо Ф.М. и др. Указ. соч. С. 134.

⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М., 2001. С. 39-40.

⁶ Андерсон Б. Там же. С. 41.

⁷ Там же. С. 42.

Секуляризация выработала понятие «французская светскость». Хотя некоторые исследователи и считают его мифом, в отличие, например, от «испанской» и «мексиканской» религиозности⁸, тем не менее, многие русские путешественники действительно отмечали очень слабую связь между католической церковью и обществом. Действительно, католическая церковь обладала силой и богатством во Франции, но ее основания были шатки.

Сильное влияние клира обусловлено было 3-мя причинами⁹. Во-первых, внутреннее устройство католической церкви как организации служило залогом ее могущества. Французское духовенство представляло собой хорошо слаженную, субординированную структуру, начиная от простого деревенского священника и заканчивая архиепископом и папой. Государственная власть в такой внутренней согласованности церкви не видела для себя ничего страшного.

Во-вторых, правительство содействовало обогащению церкви. На прихожан обрушивались многочисленные и принудительные сборы, которые создавали в их ежегодном бюджете значительную прореху: «<...> и я слышал, – пишет Н.И. Тарасенко-Отрешков, – от лиц, принадлежащих разным сословиям, сильный ропот против столь тягостных и неприличных поборов»¹⁰.

В-третьих, в годы Второй империи духовенство вмешивалось в жизнь государства путем осуществления контроля над образованием, влияния на раздачу должностей чиновникам и избрание депутатов. Особенно под влиянием католической церкви находилась женская часть населения. «Если бы во Франции, – пишет Тарасенко-Отрешков, – женщинам было дано право участвовать в выборах и даже быть избираемыми, <...> то можно быть уверенному, что в депутаты законодательного собрания были бы избраны только ярые католики, председателем был бы архиерей, вице-председателями самые ревностные католики, а секретарями молодые прелаты»¹¹. Женщины во Франции всегда были в большей степени подвержены церковному влиянию. Особенно повлияла на это обстоятельство война 1870-1871 гг., в результате которой масса женщин, оставшихся одиночками, пополнила монастыри. Ситуация практически не изменилась и после реформы системы образования. К концу XIX в. членов женских конгрегаций было в 5 раз больше, чем мужских. В провинции, особенно в деревнях, церкви посещали в основном одни женщины. Отец, как правило, отдавал мальчика в общественную школу, а мать – девочку – в монастырскую, вследствие чего, число мальчиков, посещавших монастырские школы, достигало 440 000, а число девочек в тех же школах было в несколько раз больше – 1 177 000¹².

Но в целом большой процент населения (три четверти, если не больше парижан и не менее половины мужского населения остальной Франции) выступали против духовенства как такового, а многие против католического вероисповедания и принудительной веры. «Париж вообще не религиозен. Мелкая буржуазия и рабочие *тысячами и десятками тысяч* считают себя не принадлежащими ни к какой конфессии», – писал П. Боборыкин¹³. Представители клира, мягко говоря, не пользовались популярностью и уважением. Так, проезжая в Париже мимо здания, имеющего любопытную архитектуру, Н.И. Тарасенко-Отрешков спросил у кучера: «Что это за здание?» «Это, – отвечал он, – школа, где учат лгать». Речь шла о духовной семинарии.

Отношение буржуа к церкви было обусловлено их взаимным соперничеством за власть. М.Е. Салтыков-Щедрин в этой связи заметил: «... Но чтоб поп позволял себе публично угрожать ему или соблазнять наградами – этого он уж никак потерпеть не может». Будучи в Париже в 1875 г., он отметил, что Бог «стесняет буржуа», и бур-

⁸ Брольо Ф.М. и др. Указ. соч. С. 148.

⁹ Тарасенко-Отрешков Н.И. Заметки в поездку во Францию, С. Италию, Бельгию и Голландию. СПб., 1871. С. 211-214.

¹⁰ Там же. С. 211.

¹¹ Там же. С. 216.

¹² Письмо из Парижа. Возрождение католицизма во Франции // Мир Божий. 1901. № 7. С. 64.

¹³ Боборыкин П. Столицы мира. С. 402.

жуа отвечает тем, что «упорно борется с попом с легкой руки Вольтера», и что в последние годы эта борьба приняла очень яркий и торжествующий характер. Но чем закончится эта борьба, было трудно предопределить, потому что вплоть до 1875 г. не было окончательно ясно, какой путь изберет Франция – республиканский или монархический? Буржуа, по мнению М. Е. Салтыкова-Щедрина, вольнодумец по определению, на людях любит покошунствовать, но в то же время трус, втайне богомолен и когда никто не видит, «любит перекрестить себе пупок».

Таким образом, французская светскость и антиклерикальный настрой во французском обществе 2-й пол. XIX в. – это не миф, и выражались они, по крайней мере, в трех измерениях: 1) Непосещение католических храмов; 2) формальное соблюдение или несоблюдение вовсе религиозных праздников; 3) свободное поведение священников.

1. Характерными явлениями общественной жизни, особенно в 70-80-е годы XIX в., стали отказы от крещения детей и церковного венчания, гражданские похороны как в буржуазной среде, так и рабочей. Процесс этот начался, естественно, не во 2-й пол. XIX в., а еще в ходе Великой французской революции и в дальнейшем активно развивался. Так, Н.М. Карамзин, находясь в Версале, обратил внимание на то, что когда в церкви служили обедню, то там никого не было, кроме монахов¹⁴. В конце 30-х годов XIX в. В.М. Строев убедился в том, что храмы буквально разваливаются, правительство отпускает на них мало денег и многим угрожает «совершенное разорение»¹⁵. «Католические церкви пусты и бесцветны, служба неторжественна», – добавляет Н.М. Щапов¹⁶. Г.И. Успенский, побывав на празднике св.Троицы в соборе Парижской Богоматери, рассказал случай, немало его удививший: «Служба шла со всею торжественностью: служил парижский архиепископ <...> Но церковь мы нашли совершенно пустой; кроме небольшой кучки народу да иностранцев, шатавшихся вокруг пустых стульев и рассматривавших расписные цветные стекла, – хоть шаром покати. «Ослабела вера», – заметил мой соотечественник»¹⁷.

2. Религиозность парижан и вообще французов приобрела во 2-й пол. XIX в. формальный характер: она сводилась лишь к различным церемониям и обрядам¹⁸. В высших сословиях было принято соблюдать католические обряды хотя бы внешне, как подтверждение приличного образа жизни. Постепенное укрепление светского образа жизни приводит к тому, что цикл религиозных праздников отрывается в силу общей незаинтересованности от своих конфессиональных истоков и в основном воспринимается гражданами и властями как дополнительный выходной день. Даже первый день Рождества не отмечался в Париже населением так, как к этому привыкли русские: «Я видел везде работающих, как в обыкновенные дни», – писал Н.И. Тарасенко-Отрепков¹⁹. Торговля в воскресные и праздничные дни в Париже процветала. Возможно, французские коммерсанты сообразили, что воскресный день грозит обернуться для них убытками, поэтому на рождественские праздники в Париже вдоль бульваров (Капуцинок, Итальянского и других) ставили большое количество (около 1000) временных торговых лавочек. С 25 декабря и в течение недели в них продавались всевозможные недорогие мелочи: детские игрушки, портмоне, записные книжки, принадлежности для рисования, фотографии, цветы и фрукты. Русским путешественникам это напоминало вербную неделю на Невском проспекте в Санкт-Петербурге²⁰.

¹⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М., 1980. С. 405.

¹⁵ Строев В.М. Париж в 1838 и 1839 годах. Путевые записки и заметки. В 2-х частях. Ч. I. СПб., 1842. С. 36.

¹⁶ Щапов Н.М. Я верил в Россию. Семейная история и воспоминания инженера о Москве и послереволюционной России. М., 1998. С. 47.

¹⁷ Успенский Г.И. Большая совесть // Успенский Г.И. Власть земли / Сост., предисл. и примеч. В.И. Бельдогова. М., 1984. С. 70.

¹⁸ Боборыкин П. Столицы мира. С. 402.

¹⁹ Тарасенко-Отрепков Н.И. Указ. соч. С. 244.

²⁰ Там же.

Пасха также отмечалась без особого размаха, по крайней мере, в пасхальные дни во Франции правительственные канцелярии работали как обычно. В этой связи интересен рассказ солдата Павла Таторского, раненого в Крымскую кампанию в битве при Альме в сентябре 1854 г. В Константинополе ему ампутировали руку и отправили в Тулон в качестве военнопленного, где он находился в течение почти 8 месяцев. За границей русские пленные как могли приспосабливались к условиям неволи, изучая и наблюдая странности местного быта. Невзирая на тяжелые обстоятельства, Таторский и его друзья по несчастью стремились сохранить атмосферу привычного жизненного уклада, в частности соблюдая Пасху. Таторского – православного из российской глубинки удивляли особенности католического отправления культа.

3. Поведение католических священников с точки зрения русских наблюдателей тоже вызвало немало вопросов. Упреки в основном сводились к тому, что представители духовенства вели себя не с «должной воздержанностью»²¹. Это касалось совершения ими обрядов, несения службы, чтения проповедей. Особенно это было заметно в многолюдных храмах²².

«Ослабела вера» – таков лейтмотив размышлений наших соотечественников, касающихся проблемы взаимоотношений церкви и государства, религии и общества во Франции. Процесс секуляризации мышления и развития буржуазного общества, продолжающийся во 2-й пол. XIX в., породил странную ситуацию двух Франций, одной «одушевленной суеверием» и другой «дышащей отрицанием», одинаково при этом фанатичных²³. Как писал корреспондент «Вестника Европы»: «... Франция, как вы знаете – старшая дочь церкви... Самые ревностные приверженцы святого престола находятся... у нас, но... у нас же находятся и самые решительные его противники...»²⁴. В наибольшей степени эта характеристика касалась истории борьбы клерикализма и антиклерикализма во Франции.

Один из декретов Парижской Коммуны, принятый 2 апреля 1871 г., провозгласил отделение церкви от государства, упразднение бюджета культов, а также объявил национальной собственностью движимое и недвижимое имущество религиозных конгрегаций. Однако после подавления Коммуны в условиях реакции началось усиление клерикальных настроений. В народных кругах была популярна доктрина «социального католицизма», автором которой был граф Альбер де Мен. Он организовал кружки католических рабочих, в которых призывал к укреплению авторитета церкви и подчинению правящему классу: «Только католичество обладает божественным светом ... Только оно может сказать революции, что она основана на ложном принципе суверенной независимости человека...»²⁵. В народе царил культ реликвий, возрождались темные суеверия, распространялись рассказы о видениях и т.д. Церковь организовывала сеть религиозных паломничеств и демонстраций. Клерикальная агитация приобретала все больший размах. Мировые телеграфные агентства выпускали объявления о некоторых французских прелатах, которые, выступая в знак протеста против идеи республики, «несли в руках распутившиеся цветы»²⁶. Епископы тоже, что называется «подняли щит», и это живо обсуждалось левой прессой.²⁷ В 1877 г. Версальский епископ раскритиковал всеобщее избирательное право, а епископ в Монпелье назвал республику «хаосом»²⁸.

²¹ Тарасенко-Отрепков Н.И. Там же. С. 219.

²² Восемь месяцев в плену у французов... С. 199–200.

²³ Корреспонденция из Парижа // Вестник Европы. 1870. № 1. С. 453.

²⁴ Там же. С.4 51.

²⁵ Зеваэс А. История Третьей Республики (1870–1926): Пер. с франц. Ф. Канелюша / Ред. предисл. и прим. Т.А. Аксельрода и Ж. Шавароша. Л.–М., 1930. С. 66.

²⁶ Bonnefon J. de. Soutanes politiques. P., 1893. P. 9.

²⁷ Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine. P., 1903–1908. Vol. III. La Présidence du Maréchal de Mac-Mahon. La Constitution de 1875. P. 694.

²⁸ Ахмерова Р.А. История культуры Франции второй половины XIX – нач. XX вв (проблема культурно-исторической трансформации) // Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Казань, 1998. С. 64.

Выражением антиклерикальных настроений стала речь Л. Гамбетты, с которой он выступил в Палате в 1877 г.: «Я выражаю чувства французского народа, когда повторяю слова, сказанные однажды моим другом Пейра: «клерикализм – вот враг»²⁹.

Противостояние клерикалов и антиклерикалов вылилось в 1879 г. в решение вопроса о народном просвещении. 15 марта 1879 г. Ж. Ферри внес на обсуждение два законопроекта: первый, касающийся высшего совета ведомства народного просвещения и советов при высших учебных заведениях, а второй – относительно высшего образования в стране.

Первый законопроект исключал из университетских советов так называемые «социальные влияния» и членов духовенства, заменяя их специалистами, лицами преподавательского персонала, или назначенными министром, или по выборам от факультета.

Второй законопроект, не уничтожая свободы высшего образования, признавал только за государственными факультетами право предоставлять ученую степень, а также обязывал студентов записываться на эти факультеты. Седьмая статья законопроекта вызвала наибольший протест со стороны клерикалов, так как гласила: «лица, принадлежащие к неутвержденным конгрегациям, не имеют права преподавать в общественных или частных школах, а также руководить школами того или иного разряда»³⁰.

По закону от 30 октября 1886 г., в течение последующих 5 лет весь учительский персонал народных школ должен был быть сделан исключительно светским.

Все эти законы, известные под именем законов Ферри, были сведены в один органический регламент 18 января 1887 г. Таким образом, вплоть до 1886 г. Жюль Ферри провел один за другим целый ряд законов: о свидетельствах на право преподавания, о бесплатности обучения, о распределении расходов по содержанию школ между общинами, департаментами и государством, о нейтральности школы в деле религии, о программах народной школы, о материнских и высших народных школах и т.д. Эти законы были вдохновлены философией XVIII в., доктриной которой является, по выражению А. Дебидура, оптимизм, освобождение знания от рабства традиций. В речи 1870 г. Ж. Ферри говорил, что в своей работе опирался на «великолепный план республиканского воспитания Кондорсе», который соответствует современному французскому уровню и порядку преподавания и воспитания: «Это, так сказать, искусство создавать людей и граждан – основа основ»³¹. Цель этих реформ заключалась, по мнению М.Е. Салтыкова-Щедрина в том, чтобы «упразднить поповского бога совсем...».

В дальнейшем П.М. Вальдек-Руссо провел закон об ассоциациях (против влияния клерикалов в деле образования). Его проекты также подвергались атаке со стороны защитников клерикализма, которые упрекали его в желании «дехристианизировать Францию и передать церковную собственность той части, которая желала бы отмены упразднения бюджета культов, отделения церкви от государства, исключения клира из преподавания»³².

Министерство Л.Э. Комба, который возглавил правительство в 1902 г., закрыло путем декрета неутвержденные школы, основанные утвержденными конгрегациями. Фанатизированное население Коммун, в которых находились данные школы, подстрекаемое священниками и поддерживаемое присутствием среди него членов Парламента, оказало отчаянное сопротивление агентам исполнительной власти: им

²⁹ Debidour A. L'Eglise catholique et l'Etat. Sous la Troisieme Republique (1870-1906). Tome I. 1870-1889. P., 1906. P. 170-171.

³⁰ Зевазс А. Указ. соч. С. 107.

³¹ Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine. P., 1903-1908. Vol. IV. La Republique Parlementaire. P. 600.

³² Debidour A. L'Eglise catholique et l'Etat. Sous la Troisieme Republique (1870-1906). Tome II. 1889-1906. P., 1909. P. 259.

бросали в лицо шайки с экскрементами, били их граблями и дубинами³³. Правительство в таких случаях проявляло сдержанность, не применяя ответной силы. Наконец, Комб провел закон от 7 июля 1904 г. «Об упразднении конгреганистского преподавания», а в 1905 г. Франция разорвала отношения с Ватиканом.

Так, республика во Франции, едва только ей удалось упрочиться, начала борьбу с клерикализмом за светскую цивилизацию. Антиклерикальные законы республиканской Франции фактически укрепили раскол и нестабильность в обществе и авторитет католической церкви при том, что значительная часть населения была равнодушна и к религии, и к церкви.

ATTITUDE OF THE FRENCHMEN TO THE CATHOLIC CHURCH IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

G. Yu. LAZNOVSKAYA

*Volgograd State
Pedagogical University*

e-mail: laznovskay@mail.ru

There examined the understanding of “French good manners” based on the memoirs and letters, as well as attitude of different French society classes to the Catholic Church. There also introduced the situation of the fight between the clericals and anticlericals in the context of the school reformation taken place in the second part of the XIXth century. The material introduced will be useful for historians, culturologists and sociologists.

Key words: secularization, “French good manners”, clericalism, anti-clericalism, congregation.

³³ Зеваэс А. Указ. соч. С. 269.